

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАШИЗМА И ТОТАЛИТАРИЗМА В РАБОТАХ В. ВИППЕРМАНА

Две новые книги берлинского историка Вольфганга Виппермана «Теории фашизма» (7-е, переработанное издание) и «Теории тоталитаризма» являют собой наиболее полный и в своем роде уникальный обзор исследований по истории фашизма и тоталитаризма [1, 2]. В отличие от большинства аналогичных американских и западноевропейских историографических обзоров, работы Виппермана охватывают практически весь диапазон представлений о фашизме и тоталитаризме — от национал-консервативных до вульгарно-марксистских. Автор подчеркивает различия в восприятии этих концепций в западных странах (Франции, США, Германии). Кроме того, книги дают ключ к пониманию большинства политических инструментализаций этих терминов (например, таких, как сталинский «социал-фашизм»). В отличие от ряда последних работ на подобную тему (иногда с похожими названиями) [3, 4, 5], где рассматриваются либо только научные, либо только отдельные аспекты научных и политических интерпретаций «фашизма» и «тоталитаризма», в исследовании Виппермана содержатся ссылки на почти все значимые определения, предлагаемые другими авторами. Это следует отметить особо, принимая во внимание краткость обоих исследований. Ещё одним преимуществом данных работ — простым, но всё же существенным — является то, что они по большей части выстроены в хронологическом порядке. Это позволяет проследить эволюцию различных трактовок в историко-научном и политическом контекстах. Причины острой дискуссии об использовании терминов «фашизм» и «тоталитаризм» применительно к эмпирическим явлениям во многом объясняются слишком большим разнообразием в дефинициях обоих терминов. Зачастую они наделялись различным, если не противоположным, смыслом, в котором их использовали разные исследователи, публицисты и политики. В результате возникало смешение понятий. Всеохватывающий обзор, сделанный Випперманом, поможет избежать таких недоразумений.

Очевидно, что седьмое издание «Теории фашизма», с некоторыми оговорками, — более удавшееся из двух исследований. Во введении под названием «Тупик в научной истории?» ставится основной вопрос: что такое фашизм как родовое понятие (*generic fascism*)? Далее в работе даётся характеристика и критика всех основных школ (коммунистической, социалистической, консервативной, либеральной), спорных вопросов (фашизм как порождение капитализма, как бонапартизм, движение среднего класса, психопатологическое явление, диктатура периода модернизации, специфический феномен определенной эпохи), а также важнейших подходов, оспаривающих необходимость общего понятия «фашизм» с точки зрения исторического номинализма, тоталитаристской парадигмы и исследований холокоста. В заключение Випперман приводит аргументы в поддержку собственной мультикаузальной теории фашизма, в основном близкие идеям ведущих англоязычных исследователей фашизма Стэнли Пэйна [6, 7] и Роджера Гриффина [8—10]. Несмотря на то, что

сравнительный анализ конкурирующих теорий Виппермана более многогранен, чем обзоры литературы Пэйна, Гриффина и других авторов, иногда его аргументы сформулированы менее ясно. Исследование Виппермана было бы более прозрачным, если бы автор четче разграничил концепции и определения фашизма как политологического понятия, с одной стороны, и теории возникновения и развития фашизма, с другой. Работа, безусловно, выиграла бы, если бы трактовка автором этих двух вопросов, тесно связанных эмпирически, но принципиально разных в методологическом плане, была более дифференцированной. Аналогичным образом, более резкой должна быть граница между определением и анализом фашистских идеологий, с одной стороны, и описанием движений, партий и режимов фашистской направленности, с другой. В конце концов, «фашизм» — всего лишь один из типов идеологии. Отличительные признаки конкретных носителей идеологии (таких, как интеллектуальные круги, политики, государственные служащие, партии, кружки, средства массовой информации), а также особенности социокультурных и политических обстоятельств, в которых действуют носители этой идеологии, порождает больше различий между политическими институтами и стилями, чем между идеями, лежащими в их основе.

При определении фашизма Випперман прибегает к «реальному типу» (в веберовском смысле), то есть делает вывод на основании сходства изучаемого явления с итальянским реально-историческим прототипом. Однако такая методология оказывается малопродуктивной (см. также работу Виппермана 1983 г. [11]). В конечном счете большее или меньшее сходство между явлениями, предположительно имеющими фашистскую сущность, (*putative fascisms*) и итальянским фашизмом всегда устанавливается на основании общих идеально-типических концепций — например, таких, как национализм или революционаризм, — а не каких-то конкретных внешних признаков (например, схожей униформы — чёрных рубашек). На наш взгляд, рассматривать фашизм в его «идеальном» значении, то есть анализировать идеи, лежащие в основе отдельных видов фашизма независимо от их разнообразных внешних проявлений, — дело более перспективное, чем полагаться лишь на одну разновидность фашизма, возникшего в отдельной стране, а именно в Италии. В двадцатых годах в Италии ещё не завершился процесс становления национального государства, что, в свою очередь, предопределило особый, «смешанный» — фашистско-монархически-традиционалистский — характер итальянского государственного строя межвоенного времени.

Новое исследование Виппермана под названием «Теории тоталитаризма» не только содержит критику различных толкований и способов применения концепции тоталитаризма, но и приобретает порой полемическую направленность. Такой подход может показаться «ненаучным», однако в данном случае он понятен и даже оправдан. Дело в том, что не только аналитический и эвристический потенциал «тоталитаризма» как понятия, применяемого для типологии режимов, объяснения их монолитности и роли в них вождя, слишком часто переоценивался. Многие авторитетные толкования «тоталитаризма» использовались для того, чтобы скрыто или явно затушевать особый

характер преступлений немецкого национал-социализма. Характерно, что авторы некоторых наиболее нечувствительных в этом отношении выступлений — бывшие радикальные коммунисты, изменившие своим убеждениям, так называемые «рenegаты».

Можно выделить, по меньшей мере, три типа неоправданного использования концепции тоталитаризма. Во-первых, некоторые авторы ошибочно настаивают на тесной причинно-следственной связи между приходом к власти коммунистов и фашистов. Эрнст Нольте определяет фашизм просто как «антимарксизм», как реакцию на создание СССР. Согласно этой точке зрения, захват власти большевиками послужил примером и определяющим фактором для прихода к власти фашистов в Европе. Хотя ленинская «партия нового типа» стала примером для многих националистических партий во всем мире, нельзя не учитывать существенные различия между приходом к власти фашистов и коммунистов, равно как между нацистскими лагерями уничтожения и первыми ленинскими концентрационными лагерями. Но фашизм не является только противоположностью марксизму или реакцией на него. В понимании Гитлера, большевизм, либерализм и христианство одинаково предосудительны, так как все они имеют «еврейское происхождение». Если все же попытаться дать определение фашизма методом от противного, то его с равным успехом можно охарактеризовать как явление и антимарксистское, и антилиберальное, и антиконсервативное.

Во-вторых, некоторые авторы рассматривают сталинское «государство террора» и нацистское «расовое государство» как идентичные по их месту в мировой истории. Хотя число жертв предпринятых Сталиным коллективизации, индустриализации, чисток, депортаций вкупе с погибшими вследствие безжалостных военных операций намного превышает число жертв нацистского режима, все-таки истребление фашистами еврейского населения, холокост, не имеет себе равных в мировой истории по теоретическому и идеологическому обоснованию, по целенаправленности, систематичности, по способу организации наподобие промышленного предприятия, по своему технологическому оснащению. Сопоставление этого явления с массовыми убийствами в Советской России, Китае или Камбодже — обществах, находившихся, в отличие от нацистской Германии, на тогда еще преиндустриальной стадии развития — обнаруживает лишь частичные сходства.

В-третьих, фашизм как идеология ставится на одну доску с классическим марксизмом. Этот подход несостоятелен уже потому, что некоторые основополагающие элементы современных европейских обществ — например, социал-демократические или реформистско-коммунистические партии, — а также современные общественные науки в значительной степени произошли именно из марксизма. Формирование не только восточноевропейских, но и западноевропейских государств в том виде, в каком они существуют сегодня, было обусловлено огромным влиянием марксизма на науку и мировую политику. Если бы сходство марксизма с фашизмом, действительно, было таким, каким его пытается представить в своих работах целый ряд авторов (а среди них немало тех, кто еще недавно был настроен промарксистки), то как объяснить, что среди ведущих

фашистских деятелей нет «эквивалентов» таким представителям марксистской идеологии, как Эдуард Бернштейн, Александр Дубчек или Михаил Горбачёв?

Тем не менее, между сталинским и нацистским режимами, равно как между сталинской и нацистской идеологией и в самом деле можно отметить ряд сходных черт. Випперман не прав, утверждая, что сталинский и нацистский режимы «имели почти диаметрально противоположные идеологические цели» (S. 86). Способы обоснования политики, проводимой Сталиным, были конечно в значительной степени обусловлены марксистско-ленинской, то есть якобы «ультралевой», идеологией. Однако направленность, содержание и, в некоторых случаях, даже идейное оправдание множества изменений, произошедших в социокультурной и политической сферах при Сталине, приобрели со временем националистический, традиционалистский, по сути дела «ультраправый» характер [12]. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих, что изменения, которые произошли в советском государстве с 1928 по 1953 гг., трудно назвать «левыми» по их направленности: запрет аборт и другие консервативные меры в отношении семьи; введение различных льгот и привилегий для государственных служащих; радикальная русификация нерусских этнических групп; непомерное восхваление российской истории и особенно таких неоднозначных государственных деятелей, как Иван Грозный и Пётр Первый; удушение молодой советской марксистской историографии; подчёркивание особой, ведущей, роли русского народа и слияние «советского патриотизма» и русского национализма; жестокие меры «по наведению порядка»; депортация, изоляция и изгнание этнических меньшинств; всё более явные проявления антисемитизма [13—21]; попытки расширить влияние Советского Союза путем преследования независимых коммунистических движений за границей (подробно описаны Випперманом); наконец, постепенное сближение с Гитлером в 1939—1940 годах. Хотя Сталин выдвинулся именно благодаря Ленину, который создал основные институциональные рамки, укрепившие позднее власть Сталина; несмотря на то, что Ленин был для Сталина примером и вдохновителем — большая часть из перечисленных выше и похожих мер была бы немыслима при власти основателя советского государства. Политика Сталина не только продолжала ленинскую теоретическую ревизию и прагматическую инструментализацию классических марксистских идей — во многом она была диаметрально противоположна системе ценностей «левой» или «ультралевой» ориентации. Вот почему претензии Сталина на то, что он проводит «вторую революцию», на наш взгляд, не лишены оснований. А. Джеймс Грегор даже уверяет, что преследования Сталиным старых большевиков вполне сопоставимы с преследованием коммунистов и социал-демократов при Муссолини [22].

К сожалению, в работе Виппермана не уделяется должного внимания этой важной особенности сталинского режима времен его расцвета — коренной идейной, кадровой и структурной реформации советского государства, деградации классического марксизма и превращению его во всего лишь комплементарную идеологию. Такое невнимание типично в западных сравнительных интерпретации сталинизма хотя ряд западных

специалистов по России, с разных точек зрения, указывали на гибридный характер советской системы и на то, что изменения, произошедшие с 1917 по 1953 гг. (а также позднее) были существенными [23—30]. Что касается заблуждения Виппермана и других исследователей относительно особого характера русского коммунизма и национализма, то оно в значительной мере объясняется более широким непониманием координат российского политического спектра до, во время и после советского периода.

Сущность российского ультранационализма или правого радикализма, начиная со времён политической радикализации славянофильства во второй половине XIX в., определяют различные интерпретации так называемой «русской идеи» [31—33]. По западным меркам, характер основных составляющих «русской идеи» — радикальный антииндивидуализм, коллективизм и антикапиталистическая направленность — считался бы «левым» или даже «ультралевым». Сталин получил возможность существенно переориентировать советскую идеологию именно благодаря внешнему сходству некоторых составных элементов русского антилиберализма ультралевого или ультраправого толка с западными идейными движениями. Это сходство предоставило ему идеологическое пространство для политического маневра и реинтерпретации ключевых понятий «марксизма-ленинизма». Игнорируя описанную нами российскую специфику, Випперман и другие критики чрезмерно широкой трактовки концепции тоталитаризма не в состоянии разрешить противоречие между своим категорическим отказом от формулы «красный = коричневый» и явным сходством нацистского и сталинского режимов во многих отношениях. Ссылки на уникальность холокоста здесь уже не достаточно.

Тем не менее, обзор Випперманом литературы, посвященной исследованию фашизма и тоталитаризма, на сегодняшний день — самый полный из аналогичных обзоров на немецком языке. По широте диапазона и актуальности с «Теориями тоталитаризма» Виппермана сравнимо разве только обширное англоязычное исследование по истории холодной войны Эббота Глизона «Тоталитаризм», где, помимо всего прочего, более подробно освещаются дискуссии в советологии [34]. Но тем, кто предпочитает краткие и одновременно информативные введения, снабженные комментариями и библиографическими списками, книги Виппермана будут полезней, чем любые опубликованные ранее работы по этой теме.

Перевод с немецкого О. Ступно

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wippermann W.* Faschismustheorien: Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. 7. Überarbeitete Auflage. Darmstadt: Primus Verlag, 1997.
2. *Wippermann W.* Totalitarismustheorien: Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. Darmstadt: Primus Verlag, 1997.
3. *Kuhn R.* Faschismustheorien: Ein Leitfaden. 2. Aufl. Heilbronn: Distel Verlag, 1990.
4. *Tormey S.* Making sense of tyranny: Interpretations of Totalitarianism. Manchester: Manchester University Press, 1995.
5. *Gregor A.J.* Interpretations of fascism. 2-nd ed. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1997.

6. *Payne S.G.* Fascism: Comparison and definition. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1980.
7. *Payne S.G.* A history of fascism, 1914—1945. Madison, WI: University of Wisconsin Press 1995.
8. *Griffin R.D.* The nature of fascism, 2-nd ed. London: Routledge, 1993.
9. Fascism / Ed by R. Griffin. Oxford: Oxford University Press, 1995.
10. International fascism: Theories, causes, and the new consensus / Ed. by R. Griffin. London: Arnold, 1998.
11. *Wippermann W.* Europaischer Faschismus im Vergleich 1922—1982 Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983.
12. *Brandenberger D.L.* «The people need a Tsar»: The emergence of national bolshevism as stalinist ideology, 1931—1941 // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. No. 5. P. 873—892.
13. *Gilboa Y.* The black years of Soviet jewry, 1939—1953 / Transl. from the Hebrew by Y. Shachter and Dov Ben-Abba. Boston: Little, Brown and Co./ Brandeis University , 1971.
14. *Redlich Sh.* Propaganda and nationalism in wartime Russia: The jewish Anti-Fascist Committee in the USSR, 1941—1948. Boulder: East European Monographs, 1982.
15. *Rapoport L.* Stalin's war against the jews: The Doctors' Plot and the Soviet solution. New York: Free Press, 1990.
16. *Vetter M.* Antisemiten und Bolschewiki: Zum Verhältnis von Sowjetsystem und Judenfeindschaft. Berlin: Metropol Verlag, 1995.
17. War, Holocaust and Stalinism: A documented history of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR / Ed. by Sh. Redlich. Luxembourg: Harwood Academic Publishers, 1995.
18. *Kostyrchenko G.* Out of the red shadows: Anti-semitism in Stalin's Russia. Amherst: Prometheus Books, 1995.
19. *Borschtschagowski A.* Orden für einen Mord: Die Judenverfolgung unter Stalin. Berlin: Propylaen, 1997.
20. *Lustiger A.* Rotbuch: Stalin und die Juden. Die tragische Geschichte des Jüdischen Antifaschistischen Komitees und der sowjetischen Juden. Berlin: Aufbau Verlag, 1998.
21. Der Spätstalinismus und die 'jüdische Frage': Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus / Ed. by L. Luks. Schriften des Zentralinstituts für Mittel- und Osteuropastudien 3. Köln: Bohlau Verlag, 1998.
22. *Gregor A.J.* The ideology of fascism: The rationale for totalitarianism, New York: Free Press, 1969, crp. xiii.
23. *Agursky M.* The Third Rome: National bolshevism in the USSR. Boulder: Westview, 1987.
24. *Barghoorn F.* Soviet-Russian nationalism. New York, 1956.
25. *Gregor A.J.* The ideology of fascism: The rationale for totalitarianism. New York: Free Press, 1969.
26. *Gregor A.J.* The fascist persuasion in radical politics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1974.
27. *Gregor A.J.* Italian fascism and developmental dictatorship. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979.
28. Sowjetpatriotismus und Geschichte: Dokumentation / Oberlander E., Hg. Köln, 1967.
29. *Tucker R.* Towards a comparative politics of movement regimes. // American Political Science Review. 1961. Vol. 55. No 2. P. 281—289.
30. *Tucker R.C.* Stalin in power: The revolution from above, 1928—1941. New York: W.W. Norton, 1990.
31. *Laqueur W.* Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia. New York: HarperCollins, 1993.

32. *McDaniel T.* The agony of the Russian idea. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.
33. *Kochanek H.* Die russisch-nationale Rechte von 1968 bis zum Ende der Sowjetunion: Eine Diskursanalyse. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999.
34. *Gleason A.* Totalitarianism: The inner history of the Cold War. New York: Oxford University Press, 1995.

A. Умланд, PhD

